

Дворцовые тайны

Н. И. Сергеева

Совершая прогулку по Дворцовой набережной Санкт-Петербурга, нельзя не обратить внимания на два дома, стоящие особняком от других строений, словно на острове. С севера — река Нева, с востока — Лебяжья канавка, а за ней — Летний сад, с запада — площадь, украшенная памятником А. В. Суворову в образе Марса, с юга — поле, названное именем этого бога. Линия Дворцовой набережной как бы обрывается на этих домах, вновь возникая за площадью и мостом, переброшенным здесь через Неву, — Троицким. А за ним — начало Петербурга. Первая площадь — Троицкая, первое военно-стратегическое сооружение — Петропавловская крепость, первое духовное строение — собор, украшенный устремленным ввысь золотым шпилем, увенчанным крестом и фигурой ангела, гуща деревьев, в которой скрывается первое гражданское сооружение — домик Петра I.

История этих домов началась ближе к концу XVIII века, и строительство их завершило оформление Дворцовой набережной, ставшей к тому времени главной, можно сказать — парадной, набережной Санкт-Петербурга. Дома эти справедливо называют не только архитектурными, но и историческими памятниками. Они представляют собой прекрасный образец раннего классицизма; с их «жизнью» связана жизнь государственных деятелей, вельмож, сановников и особ менее важных и титулованных, но как-то так получилось, что большая часть этих владельцев и обитателей считали своим долгом служить просвещению России, делам благотворительным и милосердным.

Не следует эти стремления возводить в ранг великих, бескорыстных и святомученических деяний. Это были люди вполне земные, получавшие от своей деятельности не только духовное удовлетворение. Однако им было свойственно понимание необходимости того, чему они посвятили свою жизнь, и в конечном итоге для многих из них благотворительность, просветительство стали делом, которому они посвятили себя беззаветно.

Лебяжий канал.
Открытка издательства «Аврора».
1985 г.

Если мы сейчас превозносим таких людей из нашего исторического прошлого, теряя подчас чувство меры, то во времена их жизни от них ждали чуда, быстрого свершения, но не обнаруживая их проявлений, теряли веру, посмеивались, развенчивали. Широко известны сатирические стихи, сочиненные в связи с выпуском смолянок — воспитанниц первого закрытого женского учебного заведения, к созданию которого имел прямое отношение И. И. Бецкой, владелец одного из заинтересовавших нас домов. «Воспитал кур, монастырских дур», — такими словами была отмечена просветительская деятельность этого человека. Но вместе с тем благодарность потомков была проявлена в установлении в 1868 году памятника И. И. Бецкому — бронзового бюста в сквере перед главным корпусом Санкт-Петербургского воспитательного дома (набережная реки Мойки, 48).

Это вступление кажется необходимым, потому что и облагораживающие окружающей среды, природы является фактом просветительской деятельности. Постройка домов, названных в начале статьи, является ее частью. Дома эти хорошо известны. Один вошел в историю как дом Бецкого —

Ольденбургских, другой — Салтыковых. Оба дома — многофасадные. Дом И. И. Бецкого числится по Дворцовой набережной под № 2, по набережной Лебяжьей канавки — № 1, по Миллионной улице — № 1, дом Салтыковых имеет № 4 по Дворцовой набережной, № 1 — по Суворовской площади и № 3 — по улице Миллионной. У каждого дома своя история, богаты биографии и их владельцев. Написано о них много, хотя утверждать по количеству публикаций, что история восстановлена и можно отложить перо, — неверно. Еще многие вопросы требуют изучения, внесения ясности, большей корректности в толковании фактов, касающихся не только самих домов, но и людей, связавших с ними свою судьбу.

Например, некий автор статьи, опубликованной в 1986 году, утверждает, что первым владельцем дома на Миллионной улице, 1, был де Рибас, а от него особняк перешел к министру просвещения при Екатерине II И. И. Бецкому¹. Что ни слово, то фантастика: де Рибас никак не мог быть строителем, говоря современным языком, столь фешенебельного дома, построенного в таком элитном месте; называть это здание особняком весьма легкомысленно; министерств в эпоху Екатерины II еще не было, хотя И. И. Бецкой действительно являлся советником императрицы по вопросам образования и воспитания. Но особенно удивляет то, что другой автор, издавший свою книгу уже в 2001 году, передает эту версию слово в слово².

Повторю уже известное. Дворцовая набережная (она ранее называлась Верхней) застраивалась с запада на восток, против течения Невы, и нумерация домов начиналась от Адмиралтейства. В итоге интересующие нас дома, построенные в конце набережной у Лебяжьей канавки, имели большие номера, и они менялись: с 16 до 22. Как справедливо указывает И. Е. Краснова в работе, посвященной источникам для изучения домовладения Санкт-Петербурга, эти изменения в нумерации домов являлись результатом объединения или разделения участков, когда номера домов

Фасад дома И. Бецкого (до 1830-х гг.). Марсово поле

сдвигались³. Это следует учитывать при сравнении адресных книг и росписей разных лет. Значит, нумеровались не только дома, но и участки, отведенные под их строительство. Об этом, например, свидетельствует роспись домов Петербурга, составленная в 90-х годах XVIII века и хранящаяся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (0.IV.56)⁴. Здесь указаны дома 18 – (ныне 10) покойного Бецкого и 22 (ныне 2) вице-адмиральши Дерибасовой, либо дочери, либо воспитанницы И. И. Бецкого; 21 (ныне 4) – графа Салтыкова, а также 20 как порожнее место – графа Салтыкова⁵.

Но, как известно, на участке, завершающем Дворцовую набережную (с 30-х годов XIX века начинающем ее), должны были быть построены три дома еще в 80-х годах XVIII века. Именно тогда, точнее в 1784 году, в Управу благочиния было представлено ходатайство об отводе под застройку «проезжих мест, лежащих по Дворцовой набережной между Мраморным дворцом и Летним садом»⁶. Это место пустовало с 1773 года: выстроенный там ранее Ф. Растрелли деревянный «Оперный театр в Еловой роще» был разрушен, и столь зримое место (у Летнего сада) представляло собой неприглядное зрелище. Стремление придать ему приличный вид явилось, так можно предполагать, одной из побудительных причин для подачи прошения на застройку этой местности домами, так как одним из просителей был И. И. Бецкой, возглавлявший Комитет по строению домов и садов в Петербурге. Авторов прошения было трое: кроме И. И. Бец-

кого – П. А. Соймонов, А. Р. Воронцов. Все трое были в чинах значительных и прославили себя не только делами государственными, но и как люди просвещенные и по убеждениям своим – просветители.

Иван Иванович Бецкой⁷ (3 февраля 1704 – 25 августа 1795) – незаконный сын «последнего боярина»,

генерала-фельдмаршала, сенатора, князя Ивана Юрьевича Трубецкого – получил блестящее европейское образование. Впервые приехал в Россию в 1721 году, по одним, в 1729 году, по другим сведениям, и сразу включился в политическую деятельность: поддержал сторонников Анны Иоанновны при возведении ее на престол, способствовал утверждению на престоле младенца Ивана VI Антоновича, при Елизавете Петровне был назначен в Коллегию иностранных дел. Однако в 1747 году уехал во Францию и вновь возвратился в Россию в 1762 году по вызову Петра III. Началась его служба и служение Отечеству. К тому времени, когда было подано прошение в Управу благочиния, И. И. Бецкой был действительным тайным советником, камергером, награждался Золотой медалью (16 декабря 1773 года), был президентом Академии художеств (1764–1794), личным секретарем Екатерины II (1762–1779) и вообще пользовался ее особым вниманием и покровительством. Он был при императрице кем-то вроде советника по вопросам воспитания молодежи и был признан ее сподвижником, что под-

Портрет президента Академии художеств Ивана Ивановича Бецкого. А. Рослин. 1770-е гг.

тверждает установка его фигуры на пьедестале памятника Екатерине II в сквере на площади Островского.

И. И. Бецкой принимал самое активное участие в организации и попечительстве ряда просветительских и воспитательных учреждений, среди которых Московский воспитательный дом (1763), Воспитательное общество благородных девиц (1765), Сухопутный кадетский корпус и прочее. Важно отметить, что И. И. Бецкой не просто создавал и руководил, а реализовывал определенную программу. Его жизнь во Франции не прошла бесследно. Знакомство с Вольтером, Д. Дидро и другими просветителями, а ранее, еще в России, дружеские беседы с поэтом Антиохом Кантемиром способствовали формированию его мировоззрения. Нет, он не был противником ни абсолютной монархии, ни крепостного права, ни сословного неравенства, но он увлекся и стал деятельным сторонником той педагогической системы, которая ставила своей целью воспитание «новой породы людей», представители которой станут «прямыми гражданами полезного общества и служить оному украшением». Он стремился к тому, чтобы воспитать эту новую породу просвещенных и гуманных дворян, купцов, промышленников, в единичных случаях даже наиболее талантливых крестьян, а чтобы дети и юношество не видели «людских пороков, неравенства, порабощения человека человеком, деспотии», предполагалось воспитывать их в закрытых учебных заведениях, как в вакууме. Конечно, это утопия, но в ней было много благородства. Можно сказать, что Иваном Ивановичем была разработана целая воспитательная программа, нашедшая отражение в труде под названием «Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоюбого пола благородного и мещанского общества», изданном в трех томах в 1789–1791 годах.

В связи с тем, что главным героем нашего повествования будет И. И. Бецкой, считаю необходимым рассказать о нем, как о человеке, о его характере, поступках. Обычно в работах, посвященных Ивану Ивановичу, приводится материал, который раскрывает его как политического деятеля, просветителя, но не как человека. Я не скажу ничего нового, а только приведу некоторые сведения, видимо, не очень доступные, заключенные в публикации, подготовлен-

ной историком, философом, психологом И. С. Чистовичем⁸. Знание их необходимо и для понимания действий Бецкой в связи со строительством домов. Отмечу сразу, судя по этим сведениям, Бецкой был необычным человеком, отличавшимся от других людей, занимавших столь же высокое положение. И. И. Бецкой, сообщалось в указанных материалах, «был росту большого, двух аршин восьми вершков (около 178 см. — Н. С.), сложения худощавого, в пище и питии был весьма воздержан, и кроме воды ничего не употреблял». Но он был и гостеприимен. Кроме приема частных визитеров, таких как, например, сама императрица Екатерина II, император Австрии Иосиф II, шведский король Густав Ваза, он каждое воскресенье устраивал «большой обеденный стол», организовывал балы для воспитанников учебных заведений, которыми он руководил. В юном возрасте с ним случилась беда: во время учения в кавалерии он упал с лошади «и был помят эскадроном», что сильно сказалось на его здоровье, чем, вероятно, объяснялся и строгий режим его жизни.

В материалах отмечались присущие ему благородство и гордость. На настоячивые предложения отца, сестры, императрицы — Елизаветы Петровны, а потом и Екатерины Алексеевны принять фамилию князей Трубецких он всегда отвечал, что «он известен стал под именем Бецкого (усеченная часть фамилии Трубецкой. — Н. С.), то с этим именем останется и умрет».

Иван Иванович «был обращения весьма холодного и серьезного, но всегда человеколюбивого», особенно к подчиненным. Был внимателен к воспитанникам, не подвергал их наказанию, «но обращался с взысканием к начальникам за несмотрение их». Он был человеком необыкновенного характера, твердого, самостоятельного, нечестолюбивого, бескорыстного и самоотверженного...»; никогда не получал и не принимал от императрицы ни деревень, ни земель, ни денежных наград, «но много жертвовал собственностью своею для пользы общественной». Действительно, в его завещании нет разговора об изменениях. Для приращения средств на содержание воспитанников Воспитательного дома И. И. Бецкой открыл ломбард, в который на зарубежный манер можно было вносить деньги с процентным приращением капита-

лов, а также закладывать движимое и недвижимое имущество. Для примера другим он продал землю в Прибалтике, принадлежавшую Трубецким, и внес полученные деньги в ломбард. Биограф отмечал присущее Бецкому желание «быть общепользным», служить славе «Государей своих и Отечества своего».

Еще одна черта И. И. Бецкого — любознательность. Когда он узнал, что в Китае выводят цыплят с помощью духовых печей по несколько тысяч сразу, он и в своем доме завел подобное, стал заниматься выводом цыплят, «желая ввести в России употребление таковых печей».

Е. И. Жерихина, автор одной из работ, посвященных И. И. Бецкому, напоминает нам о грустном конце его жизни. В 1780 году он ослеп, Екатерина II определила к нему в 1792 году помощником графа Эрнста Миниха (сына генерал-фельдмаршала Бурхарда Миниха), который, по уверениям А. И. Соколовой, «воюет крепкою и сильною рукою, как бы был сам устройтеlem сего дома» (имеется в виду ломбард), что приводит Бецкого «в смятение» и он находится «беспреестанно в слезах». Она просит заступиться за него своего соседа Н. И. Салтыкова (младшего).

В последние годы И. И. Бецкой потерял возможность обращаться непосредственно к императрице и искал содействия в решении дел у ее последнего фаворита П. А. Зубова⁹.

Не меньшее место в деятельности И. И. Бецкого занимала забота о застройке и украшении Санкт-Петербурга. В 1762 году он возглавил и до 1794 года руководил работой Конторы строений домов и садов ее императорского величества. Нет сомнения в том, что ко всем постройкам и перестройкам в Петербурге того времени он имел непосредственное отношение. Можно быть уверенным в том, что инициатива в подаче прошения о застройке пустыющего еще места на Дворцовой набережной принадлежала ему, и он подобрал себе в «компанию» людей, близких по духу.

Александр Романович Воронцов (1741–1805) принадлежал к «громкой» фамилии людей, не чуждых и политической, и общественной жизни России. Брат известной Екатерины Романовны Воронцовой-Дашковой, которая поддержала в 1762 году Екатерину Алексеевну в ее притязаниях на императорский престол, а затем прославилась как директор Академии

Екатерина II — законодательница в храме богини Правосудия.
Д. Г. Левицкий. 1783 г.

наук и президент Российской академии. Сам Александр Романович начал свою деятельность на дипломатическом поприще: полномочный министр в Англии (1762–1764), затем в Голландии (1764–1768), а в 1773 году он перешел в Коммерц-коллегию и пробыл ее президентом до 1794 года. Его имя вошло в историю, как имя покровителя А. Н. Радищева.

Петр Александрович Соимонов (?–1800), статс-секретарь Екатерины II, отец известной в то время писательницы Софьи Свечиной.

9 мая 1784 года состоялось заседание Губернского правления, на котором было принято решение о разделе пустующего пространства на три участка и передаче их просителям на довольно жестких условиях: если за пять лет строения не будут возведены, то участки «для достройки другим продавать» — это во-первых, здания своим «великолепием, красотой и полезностью» должны соответствовать «славному по сей реке каменному берегу» — во-вторых, а проекты домов

надо было заказать лучшим архитекторам и предоставить на рассмотрение в Контору строения домов и садов ее величества» — в-третьих.

Вот здесь и начались проблемы. Дело в том, что, как уже отмечалось, возглавлял Контору строений И. И. Бецкой, но нам неизвестны ни годы постройки, ни имя автора — архитектора именно того дома, который строился на этом участке для него. Кроме того, в своем завещании, составленном 21 января 1794 года, И. И. Бецкой писал об этом доме, как о двух домах, что он отдавал в вечное и потомственное владение госпоже Анастасии Ивановне Дерibas «два (курсив здесь и далее мой. — Н. С.) каменные дома, построенные мною на пожалованном мне Е. И. В. месте в первой Адмиралтейской части, один по Дворцовой набережной, а другой по Миллионной, между Мраморным домом и Летним садом, на которое полученное мною от здешнего Благочиния данную при сем прилагаю...»¹⁰. Необходимо обратить внимание на то,

что одна половина здания, которое мы сейчас называем домом Бецкого (да и в то время в обиходе оно называлось так), построена на земле, пожалованной Екатериной II, а другая половина — на земле, полученной от Управы благочинения. Возникает вопрос: могли ли две половины дома возводиться в разное время и разными архитекторами как два самостоятельных строения? Вопрос напрашивается еще и потому, что в аналогичном случае постройки дома на соседнем участке, полученном П. А. Соимоновым одновременно с И. И. Бецким, строился один дом, как один дом он вошел и в историю, хотя фасады его были обращены также на набережную и Миллионную улицу.

Со строительством этого второго дома нет вопросов, там все ясно. П. А. Соимонов отказался от участка, не имея возможности соблюсти условия, поставленные управой, и новый владелец земли, весьма состоятельный петербургский купец Ф. И. Гротен, заказал постройку на нем дома уже известному архитектору Джакомо Кваренги. Строительство началось в 1784-м и завершилось в 1788 году.

В возведении дома или домов для И. И. Бецкого неясно главное: по проекту какого (или каких) архитектора (архитекторов) он строился и в какие годы. Есть несколько версий. Но возникают еще вопросы, связанные с этими домами: для кого они возводились и жил ли там И. И. Бецкой.

Вероятно, следует прежде всего рассмотреть вторую пару вопросов и выяснить, для кого строился дом. Дело в том, что у И. И. Бецкого уже был дом, в котором он жил. Адрес его известен — Дворцовая набережная, 10, и Миллионная улица, 11. Он следует за домом Д. Кантемира, второй дом от Мраморного переулка по Дворцовой набережной и третий по Миллионной улице¹¹. Этот дом имеет длинную историю. Мы коснемся только некоторых фактов.

Прежде всего, следует уточнить, каким образом этот дом стал собственностью И. И. Бецкого. Для большей ясности с помощью «Панорамы Миллионной улицы середины XVIII», части известной Стокгольмской коллекции, изданной в 2002 году Всемирным клубом петербуржцев, восстановим линию домов в пределах интересующего нас участка. В 1740-х годах здесь значились три дома под № 11: 11.1 — дом Гессен-Гамбургской; 11.2 — Фельтена; 11.3 — В. В. Долгору-

Так выглядели здания в конце XVIII — начале XIX в.

кого. В настоящее время, да и в XIX веке тоже, — это один большой дом. Соединение этих домов началось в 50-х годах XVIII века.

В 1754 году, как свидетельствуют архивные документы, дочерью покойного оберкухмейстера И. Фельтена был продан генерал-майору и камергеру Ивану Ивановичу Бецкому «двор, состоящий на Адмиралтейской стороне в Миллионной улице и по берегу Невы — реки (дом 11.2)... в межах ее светлости графини Натальи Ивановны Гессенгамбургской» (дом 11.1)¹².

Анастасия Ивановна, урожденная Трубецкая, по отцу приходилась сводной сестрой И. И. Бецкому¹³. Ее мать, вторая жена И. Ю. Трубецкого, — Ирина Григорьевна Нарышкина (1671—1749). Она была на четыре года старше своего сводного брата (родилась 4 октября 1700 года), опекала его и «жила с Бецким в одном помещении». Это был дом, обозначенный на панораме, как 11.1, «в межах» с домом Фельтенов.

А. И. Трубецкая — женщина далеко не заурядная. По воспоминаниям современников, она была «бесспорно, одна из прекраснейших женщин... Она блондинка, высока ростом и имеет прекрасные руки и чудный цвет лица. На веке правого глаза у нее маленькое черное пятно похожее на

мушку; но оно нисколько не вредит красоте и живости ее глаз, напротив делает их еще более выразительными; вообще она женщина весьма приятная и образованная». Это последнее, вероятно, делало ее не чуждой политике. Во всяком случае известно, что она в чем-то опередила княгиню Е. Р. Воронцову-Дашкову, известную наперсницу Екатерины II во время борьбы ее за престол. Анастасия Ивановна сумела завоевать расположение Елизаветы Петровны, находилась при ней во время дворцового переворота в 1741 году, за что была награждена орденом Екатерины Большого Креста и удостоена звания статс-дамы и фрейлины императорского двора.

Анастасия Ивановна дважды была замужем. Первый ее муж — крупная историческая личность, один из просвещеннейших людей начала XVIII века — Дмитрий Константинович Кантемир, валахский господарь, ставший сподвижником Петра I. В литературе закрепилось мнение, что на момент замужества ей было 12 лет. Следовательно, свадьба состоялась в 1712 году. Это не так. Первая жена Кантемира Кассандра Кантакузен умерла в 1713 или 1714 году. Сам Кантемир прибыл в Россию в 1711 году и до 1719 года жил в Москве. Анастасия Ивановна до 1717 года вместе с

плененным отцом жила в Стокгольме. Наконец, имеется письменное свидетельство, в котором датой свадьбы Анастасии и Кантемира в присутствии царя и царицы называется 14 января 1720 года, а 4 ноября 1720 года родилась их единственная дочь Смарагда (Екатерина)¹⁴.

Дмитрий Кантемир скончался в 1723 году, а в 1738 году княгиня Анастасия Ивановна стала супругой светлейшего князя Лудвига-Вильгельма Гессен-Гамбургского, генерал-фельдцейхмейстера, майора е.и.в. лейб-гвардии Преображенского полка. Как сообщала газета «Санкт-Петербургские ведомости», свадьба состоялась 21 января 1738 года, и ужин проходил в доме невесты, где по прибытии супругов «из поставленных перед палатами пушек учинена пальба»¹⁵. Без сомнения, эти палаты — тот самый дом на Миллионной улице, который мы обозначили под 11.1. Конечно, на свадьбе присутствовал любимый брат новобрачной И. И. Бецкой, который с 1741 года жил в Петербурге в доме своей сестры.

Дальнейшая судьба А. И. Гессен-Гамбургской связана с деятельностью мужа, она сопровождала его в деловых поездках, а в 1745 году увезла его больного за границу. После его смерти в Берлине 23 октября того же года

она несколько лет жила у своей дочери в Париже, а затем вернулась в Россию. Умерла она 27 ноября 1755 года и погребена в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Надгробная плита на ее могиле установлена братом. Согласно завещанию принадлежавший ей дом в том же 1755 году стал собственностью Бецкого.

Так стоявшие рядом два дома объединялись в одних руках и стали собственностью И. И. Бецкого: один по продаже, другой по завещанию. Но вряд ли Бецкой совершал какие-либо перестройки в домах, так как в 1756 году он опять уехал за границу и вернулся в Россию, как уже отмечалось, только в 1762 году. Этот период жизни Бецкого в Петербурге был озаглавлен его быстрым возвышением и особым вниманием к нему императрицы Екатерины II.

И. И. Бецкой не был женат, но в его доме на особо привилегированном положении жила молодая особа по имени Анастасия Ивановна Соколова. История происхождения ее туманна, причудлива и чем-то напоминает историю жизни легендарной княжны Таракановой.

Кем эта Анастасия Ивановна приходилась Бецкому: побочной дочерью или была просто девушкой, взятой на воспитание? Чем она привлекала к себе внимание? Сыграла ли она какую-либо роль в строительстве Бецким нового дома?

Пожалуй, только в одном нет противоречия: все дружно определяют даты ее жизни: 1740–1822.

Современник А. И. Соколовой поэт Я. В. Княжнин сочинил в ее честь стансы:

*Источник жизни, благ податель,
К тебе, о Боже, вопию
И пред тобою, мой создатель
Мою всю душу пропую.*

К ней очень благосклонна, внимательна и ласкова была сама императрица Екатерина II. Она не только выполняла обязанности повивальной бабки при родах Анастасии Ивановны, но и сама давала детям имена. Это особая милость со стороны императрицы.

Иначе характеризовал ее английский посланник в России лорд Мальмебурн Джеймс Гарри (1780-е годы). Он отмечал отличительные особенности Анастасии Ивановны: «Большая уверенность, хитрость и глубокое знание всех петербургских сплетен делают ее разговор интересным»¹⁶. С большой долей презрения пишет о

ней А. Р. Воронцов: «Пресловутая Анастасия, впоследствии ставшая известной под именем Рибас, служила горничной у княгини Голицыной (имеется в виду дочь А. И. Гессен-Гамбургской и Кантемира Смарагда. — *Н. С.*), которая поместила ее у Клерон (французская известная актриса. — *Н. С.*) чтобы сия последняя развивала ее таланты...»¹⁷ Грубовато, но все же с долей восхищения воздает ей должное К. Я. Булгаков, сообщая в одном из писем брату: «Вчера хоронили старуху Рибасову. Ей было 89 лет (преувеличивает. — *Н. С.*), а все еще была бодра, жива и одевалась как шеголиха за 50 лет»¹⁸.

Сведения о ее происхождении столь же разнообразны. Вот одна из версий, изложенная профессором истории и директором императорского кабинета древних медалей и библиотеки в Вене Валентин Жамер Дюваль (1695–1775). Он познакомился с А. И. Соколовой во время ее пребывания за границей, и затем у них завязалась переписка¹⁹. Позже она была опубликована на французском языке.

Биографы И. И. Бецкого, и в частности, П. М. Майков, считали, что тот «фантастический» рассказ, который приводил Дюваль о Соколовой, был почерпнут из ее же слов. Дюваль называет ее «красивой черкешенкой», родившейся в Астраханском царстве на северном берегу Каспийского моря. В раннем детстве ее привезли в Петербург, где она каким-то образом познакомилась с княгиней Е. Д. Голицыной (дочь сестры Бецкого), ей она понравилась, и она взяла ее с собой в Париж. После смерти Голицыной в 1761 году муж покойной Д. М. Голицын и И. И. Бецкой привезли ее в Вену. Там в театре и познакомился с нею Дюваль. Через месяц Анастасия Соколова уехала в Петербург, ей было 20 лет, она обладала, как писал Дюваль, «очаровательной внешностью, прекрасным нравом, она имела счастье быть любимой камерфрейлиной Екатерины II». В период пребывания ее еще за границей Е. Д. Голицына позаботилась о ее светском воспитании и препоручила заботам известной французской актрисы Клерон.

Все, что рассказано о заграничной жизни А. И. Соколовой, соответствует действительности, подтверждается письменными свидетельствами. Единственное, что следует добавить, — это то, что первоначальным воспитанием еще девоч-

ки Соколовой занималась сестра Бецкого А. И. Кантемир-Гессен-Гамбургская, «гений покровитель брата», как ее называл один из биографов Ивана Ивановича.

Другая версия также свидетельствует о том, что А. И. Соколова была лишь воспитанницей И. И. Бецкого. Ее называют дочерью многолетнего художника Соколова, взятой на воспитание (свидетельство И. А. Чистовича).

И, наконец, третья версия, которую можно считать наиболее вероятной. Она изложена в «Некрологии», опубликованной по случаю смерти А. И. Соколовой — де Рибас²⁰ в «Отечественных записках» (1822. Т. 3). Согласно этому свидетельству, А. И. Соколова была побочной дочерью И. И. Бецкого и Екатерины Николаевны Ломан, урожденной Хрущевой. В своем завещании Иван Иванович назначил ей «по смерти» 360 рублей в год без объяснения причин, но автор некролога их поясняет. Итак — дочь, отсюда и особенность положения Анастасии Соколовой в доме Бецкого. Первый ее воспитатель — сестра Бецкого (может быть, она и названа была в ее честь), затем ее дочь — Е. Д. Голицына, после смерти которой в 1761 году Соколова вернулась в Россию и вступила в свою должность камеристки Екатерины II.

В 1776 году Анастасия Соколова стала супругой знаменитого Хосе (Осипа Михайловича) де Рибаса (1749–1800)²¹, сына испанца Мигеля Рибаса и француженки из Пармы Маргариты-Иоанны де Планке. Одни утверждают, что отец де Рибаса был кузнецом, другие приписывают ему знатное происхождение. Но, как бы там ни было, О. М. де Рибас, прибыв в Россию по приглашению Алексея Орлова, сделал много, в том числе и в своей карьере, дослужившись до чина адмирала. Он был воспитателем в Шляхетском корпусе и сына Екатерины II А. Г. Бобринского, он воевал и побеждал, он помогал в похищении княжны Таракановой и основывал Одессу. В память о своем праотце одеситы дали главной улице его имя — Дерибасовская. Он добился особой симпатии к себе И. И. Бецкого и был клеветом Г. А. Потемкина. А. В. Суворов говорил про М. И. Кутузова: «Его и Рибас не проведет», отмечая тем самым особую хитрость этого человека. Он готовился принять участие в заговоре против Павла I, но неожиданно скончался в своей карете. Предпола-

гают, что де Рибас был отравлен. Обо всех успехах, поступках и проступках О. М. де Рибаса теперь можно прочитать в книге И. М. Шкляжа «Тайна адмирала де Рибаса» (1996).

Для нас наиболее существенна та часть его биографии, которая связана с его женитьбой на дочери (воспитаннице) И. И. Бецкого — Анастасии Ивановне Соколовой. Это произошло в 1776 году. Много лет спустя в своем завещании И. И. Бецкий не оставил без внимания и своего зятя — де Рибаса. «В знак благодарности моей за дружбу ко мне, — писал Бецкой, — усердие и за все мне оказанные услуги от Господина Вице-адмирала и Кавалера Осипа Михайловича де Рибаса, отдаю ему в вечное и потомственное его владение, дом мой, стоящий в Большой Миллионной, противу главной Аптеки и на Набережную...»²², то есть дом по Миллионной улице, 11, и Дворцовой набережной, 10, частично купленный у наследников И. Фельтена, частично полученный по наследству от сестры.

Однако О. М. де Рибас недолго владел этим домом. В 1798 году он был вынужден его продать Павлу I за 110 000 рублей. В том же году Павел купил соседний дом (11.3) у капитана П. П. Рогозинского, завершив тем самым объединение трех домов в один большой по современной нумерации 11 по Миллионной улице и 10 по Дворцовой набережной. Дома эти, объединенные и перестроенные в 1799 году по заказу императора архитектором Дж. Кваренги, были преподнесены фаворитке Павла Анне Петровне Лопухиной²³.

Но вернемся к тому времени, когда объединение интересующих нас домов на Миллионной улице только начиналось и собственником их стал И. И. Бецкой.

Прежде всего следует отметить, что это был единственный дом, которым владел и в котором жил Иван Иванович до и после своего окончательного в 1762 году возвращения из зарубежных стран в Россию. Конечно, потребовалась перестройка двух домов в один. Когда и кто этим занимался, нам надо определить. Описание же внешнего вида дома имеется в публикации, подготовленной И. А. Чистовичем, о которой у нас уже шла речь. На странице 154 этой публикации мы читаем, что «Он [Бецкой] *первый* в своем доме, доставшемся ему от сестры Анастасии, во вторичном овдовении проживавшей в нем

(что на Дворцовой площади, ныне Кн. П. Гр. Гагарина), устроил террасу на подобие Семирамидиных висячих садов, прилежавшую к самому кабинету его, и выведенные цыплята гуляли на ней и в кабинете его».

Здесь допущена ошибка: не на площади, а на набережной, все же остальное вполне правдоподобно. Имеется этому и портретное подтверждение: изображение Бецкого сидящим в кабинете, а в руках его рисунок памятника, который им сооружен над могилой сестры в Александровской лавре.

Иное мнение высказал историк Петербурга П. Н. Петров, которое разделяет современный петербурговед А. А. Иванов. В своей книге «Дома и люди» (1997) он возведение висячего сада в «старом», как его называл сам Бецкой, доме относит ко времени Павла I, когда по его заказу эти апартаменты перестраивались для новой хозяйки архитектором Дж. Кваренги. Довольный император наградил автора крестом Иоанна Иерусалимского.

О перестройке дома, предназначенного для А. П. Лопухиной, упоминал М. Ф. Коршунов в книге «Джакомо Кваренги» (1977). Он писал, что Кваренги возвел неподалеку от дома Н. И. Салтыкова на Дворцовой набережной, 4, им же спроектированный еще один «особняк, перестроив несколько домов, существовавших прежде на этом месте». Здание получилось «обширное, с колоннадой на фасаде и висячим садом со стороны двора». Более того, в книге имеется иллюстрация — чертеж проекта дома Гагарина, выполненный Кваренги. Этим автор подтверждает тот факт, что висячий сад в доме на Миллионной улице, 11, был построен в 1799 году Кваренги²⁴.

Однако наличие рисунка — проекта дома, где как будто бы обозначен висячий сад, ни о чем еще не говорит: это может быть фиксация того, что уже было сделано до перестройки домов по повелению Павла I, а кроме того, Кваренги любил копировать чертежи той или иной постройки. В этом случае в его коллекции мог храниться не только чертеж дома, по которому он перестраивался, но и другой, по которому осуществлялось соединение домов еще при жизни И. И. Бецкого. И самое главное, тот материал, который нам предлагает в своей публикации И. А. Чистович, с упоминанием о наличии сада на Миллионной улице, 11, заимствован из документов и сви-

детельств частных лиц того времени. Это более достоверный материал, и на его основе можно сделать вывод, что висячий сад в доме по Миллионной улице, 11, сооружен в 1760-х годах по воле И. И. Бецкого. Известно, что Екатерина посетила Бецкого в том доме в 1770 году, и вряд ли он мог решиться на то, чтобы принять ее в доме, где строительство было еще не завершено.

И наконец, еще один висячий сад, строительство которого относится ко второй половине XIX века. Это висячий сад в Эрмитаже.

Здание, примыкавшее к Зимнему дворцу и получившее название «Эрмитаж», было построено специально для размещения художественных коллекций, которые Екатерина начиная с 1764 года стала часто и все в большем количестве приобретать. Строительство Эрмитажа началось в 1766 году и окончательно завершилось в 1775 году. Первоначально возводилась та часть здания, которая обращена к Неве (северная), а затем приступили к сооружению корпуса, вернее дома, по Миллионной улице (южная). Оба здания на уровне второго этажа были связаны висячим садом. Авторами проектов являлись два архитектора: северной части дома — Ж. Б. Вален Деламот, южного — Ю. М. Фельтен. М. Ф. Коршунов и другие исследователи творчества Ю. М. Фельтена утверждают, что он имел непосредственное отношение и к проектированию невского фасада здания. Дом возводился в содружестве двух архитекторов, в котором первенствующая роль принадлежит Фельтену. Следует отметить также, что в 1765 году им было разработано специально для строительства Эрмитажа конструктивное основание для возведения висячего сада. Это позволяет говорить о Ю. М. Фельтене, как о пионере и мастере возведения висячих садов²⁵. Отсюда вопрос: мог быть автором висячего сада в доме Бецкого на Миллионной улице, 11, Ю. М. Фельтен? К тому времени имя его было уже известно, он выполнял архитектурные заказы для императорского двора и возводил дома для знати. Более того, сам И. И. Бецкой ценил Фельтена и покровительствовал ему. По его выбору Фельтен был назначен на должность главного архитектора Конторы строений е. и. в. домов и садов, президентом которой являлся Бецкой. По рекомендации Бецкого Фельтен будет назначен ди-

ректором Академии художеств. Фельтен строил здания для Воспитательного дома, для училища мещанских девиц, организатором которых являлся Бецкой, вместе с Бецким Фельтен осуществил надзор за возведением памятника Петру I. Когда Иван Иванович к концу своей жизни перестал быть интересным для Екатерины II, в опале оказался и Ю. М. Фельтен. Он был уволен в 1794 году с должности директора Академии художеств и уходил без всяких наград и благодарностей. Все это свидетельствует о прочной творческой связи Бецкого и Фельтена, об особых их отношениях, построенных на плодотворном сотрудничестве.

Когда пишут о новом доме И. И. Бецкого у Летнего сада, называют разные даты его строительства в течение 70–80-х годов XVIII века и разные имена проектировщиков. Среди авторов упоминают имена В. Деламота, Ю. Фельтена, И. Старова, В. Баженова. При этом каждый исследователь отстаивает авторство «своего» архитектора с учетом хронологии постройки и проводя архитектурный анализ здания.

Весь ход изучения вопроса, знакомство с литературой, обращение к документальному материалу, а также логические размышления и сопоставления позволяют высказать еще одно суждение, возможно, в наибольшей степени отражающее действительность. Мы уже установили, что строился не один, а два дома. Об этом в своем завещании заявлял и сам И. И. Бецкой. Следует обратить внимание, что старый дом Бецкого, соединенный из двух и также выходящий своими фасадами на север и на юг, нигде не рассматривался как два здания. В своем завещании Бецкой говорил о нем, как о доме в единичном экземпляре.

Эти же дома, которые И. И. Бецкой называет «новыми», строились, по моему убеждению, в разное время: то здание, которое стоит на Дворцовой набережной, 2, было построено первым в 70-х (1774–1775), другое, возведенное по линии Миллионной улицы, в 1784–1787 годах.

Начнем с первого. Ко времени его постройки А. И. Соколова была уже в годах, она пережила рубеж 30-летия, и замужество стало необходимостью. К тому же появился подходящий жених, уже знакомый нам О. М. де Рибас, который пришелся Бецкому по душе, он ему покровительствовал, высоко ценил, определил на службу в

Принц П. Г. Ольденбургский в возрасте около 30 лет

Шляхетский кадетский корпус фактически под свое руководство.

Анастасия Ивановна, по всей вероятности, по возвращении в Россию в 1763 году после заграничного образования и воспитания, жила в доме своей покровительницы А. И. Гессен-Гамбургской, а следовательно, и своего воспитателя (отца) И. И. Бецкого. В преддверии свадьбы (а она состоялась в 1776 году) необходимо было иметь отдельное жилье, о чем и позаботился Иван Иванович. На месте снесенного в 1773 году Оперного театра у Летнего сада, на освободившемся участке, пожалованном Екатериной II, как утверждал сам Бецкой, был возведен дом, который на сегодняшний день почти не изменил своего внешнего вида. Вполне вероятно, что его строителем был тот же В. Деламот, который возводил невиский фасад Эрмитажа. Судя по годам постройки дома, Деламот успевал его построить до отъезда за границу.

Второй дом, обращенный фасадом к Марсову полю (Миллионная, д. 1), строился в 1780-х годах, когда Бецкому была предоставлена земля по его прошению совместно с П. А. Соймоновым и А. Р. Воронцовым, представленному в Управу благочиния. К тому времени отношение Екатерины II к Бецкому стало прохладным. А он, как человек гордый, не мог просить императрицу о милости. Он избрал официальный путь и

обратился не только от себя, но и от имени своих, видимо, добрых знакомых в Управу благочиния.

Можно сделать и еще одно предположение, связанное с его здоровьем. Потребность в уходе вызвала необходимость изменить место жительства, и он пристраивает к первому, уже построенному зданию второй дом, той же архитектуры, которая была ему мила, к которой он привык, прожил в ней долгие годы, и главное во всем этом — висячий сад.

К кому ему было естественно обратиться? Конечно, к Ю. М. Фельтену, тем более что в те годы их содружество, и официальное, и личное, продолжалось; Бецкой хорошо знал Фельтена, а тот — знал вкусы своего покровителя.

Авторство И. Е. Старова сомнительно, и не только с точки зрения архитектурного решения нового дома Бецкого. Отношения между Фельтеном и Старовым нельзя было назвать хорошими из-за соревновательного духа их работы в Академии художеств. Вероятно, для того чтобы укрепить там позиции Ю. М. Фельтена, Бецкой добивался его назначения на должность академического директора. Екатерина II со временем изменила свои симпатии: в поле ее зрения попали новые мастера, и им она отдаст предпочтение. Так, по ее инициативе, без вмешательства Бецкого, главным архитектором Комиссии по строительству, все еще возглавлявшейся Иваном Ивановичем, был назначен И. Е. Старов.

Отсюда заключительный штрих. Дом Бецкого на Миллионной, 1, и Дворцовой, 2, возник как два пристроенные друг к другу в разное время здания. Встречающееся в литературе мнение о постройке дома то ли в 70-х, то ли в 80-х годах XVIII века следует трактовать утвердительно, но применительно к одному дому (по набережной) это 1770-е, применительно к другому дому (по Миллионной улице) — 1780-е годы. Отсюда и двойное авторство. Один, более ранний, дом построен В. Деламотом, другой, более поздний, — Ю. Фельтеном. Повторилось содружество, возникшее в период строительства Эрмитажа, что вполне естественно, особенно при учете положительного отношения Бецкого к этим зодчим.

Первый из этих домов строился для молодой четы — А. И. Соколовой и О. М. де Рибаса, которые вступили в супружество, как уже говорилось,

в 1776 году. Второй — возводился в связи с предполагаемым переездом туда И. И. Бецкого уже в конце жизни, и вызвано это было состоянием его здоровья.

Дальнейшая судьба дома: О. М. де Рибас умер в 1800 году, Анастасия Ивановна — в 1822 году. По ее завещанию первый дом по Дворцовой набережной перешел одной из дочерей де Рибаса Екатерине и ее мужу, петербургскому обер-полицейскому Ивану Савичу Гоголю;

другой — по Миллионной улице — второй дочери, Софии, супруге М. М. Долгорукого, кстати, деда известной княгини Юрьевской, морганатической супруги императора Александра II. Но уже вскоре, в 1830 году, оба дома от наследников И. И. Бецкого перешли принцу П. Г. Ольденбургскому. Дома опять перестраивались. Во время перестройки, которую осуществлял архитектор В. И. Стасов, на месте висячего сада был построен Белый зал, и

к 1841 году дом приобрел тот вид, который он имеет и сейчас.

Уже в 1920-х годах часть помещений была передана молодому тогда Коммунистическому политико-просветительному институту имени Н. К. Крупской. Затем весь дом стал жилым, а в 1960-х годах он вновь был передан студентам того же института, но назывался уже Ленинградским институтом культуры. Ныне это Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

¹ Приванов В. Улица Халтурина // Блокнот агитатора. 1986. № 1. С. 43.

² Измозик В. С. Пешком по Миллионной. СПб., 2001. С. 10.

³ Краснова Е. И. Источники для изучения домовладения Санкт-Петербурга // Петербургские чтения-96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1996. С. 215.

⁴ Роспись домов Санкт-Петербурга. Конец XVIII века // ОР РНБ. О. IV. 56.

⁵ Здесь приводится старая нумерация домов, которая сохранялась еще в XIX веке. Изменения в номерах домов — длительный процесс, объяснения которого не требует замысел статьи, поэтому будет использоваться нумерация, действующая в настоящее время.

⁶ Баженова Е. М. Дом И. И. Бецкого на Марсовом поле (Дворцовая набережная, 2) // Ленинград весь на ладони: Информ. изд. о культур. жизни города. 1991. № 1 (2). С. 28.

⁷ Указывается не вся литература о И. И. Бецком: Майков П. М. Иван Иванович Бецкой и его система воспитания. СПб., 1904; И. И. Бецкой и его система воспитания: (Отзыв А. С. Лаппо-Данилевского о сочинении П. М. Майкова: Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии). СПб., 1904. С. 61; Пятковский А. П. Замечательные русские деятели. Иван Иванович Бецкой: (Ист.-биограф. очерк) // Дело. СПб., 1867. № 4. С. 287, 308; Ерошкина А. М. Деятели эпохи просвещенного абсолютизма И. И. Бецкой. — и другие.

⁸ Материалы об Иване Ивановиче Бецком. Сообщены И. А. Чизовичем из бумаг походного семинара д.т.с. Ивана Савича Гоголя // Чтения в ИОИДР при Московском университете. 1863. Кн. IV. С. 151—156.

⁹ Например, письмо к П. А. Зубову от 9 февраля 1793 года: «...и осмелюсь сим спросить Вас, не прогневал ли я чем всемилостивую государыню мою?..». См.: Материалы об Иване Ивановиче Бецком... С. 99.

¹⁰ Завещание от главного попечителя Бецкого, воспитательного дома почтенному Санкт-Петербургскому Опекунному совету... С. 148.

¹¹ Пятковский А. П. Указ. соч., говорит о трех домах, принадлежавших И. И. Бецкому // Дело. СПб., 1867. № 5. С. 195.

¹² ЦГАОА. Ф. 285. Оп. 1. Л. 97—98, 405 (1754 год).

¹³ См.: Русский биографический словарь. М., 1916; Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII века // Русская старина. 1870. Т. II. С. 487; Майков П. М. Указ. соч.; Пятковский А. П. Указ. соч. и др.

¹⁴ В литературе допускается ошибка: Анастасию Ивановну называют Екатериной и датой смерти указывают 1761 г. Это имя и год кончины ее дочери Смарагды.

¹⁵ Санкт-Петерб. ведомости. 1738. 26 янв. № 8. С. 62.

¹⁶ Лорд Мальсбюри о России в царствование Екатерины II. 1781—1783 годы // Русский архив. 1874. Кн. 2. С. 763.

¹⁷ Записки гр. Александра Романовича Воронцова // Русский архив. 1883. Ч. 3. С. 280.

¹⁸ Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу // Русский архив. 1903. № 3. С. 308.

¹⁹ Казнаков Ст. Дочь Бецкого и философ Дюваль // Старые годы. 1916. Окт.—дек.

²⁰ Некрология // Отеч. зап. 1822. Т. 3; Русская старина. 1875. Т. XIV. С. 222—224.

²¹ Шкляж И. М. Тайна адмирала де Рибаса. Одесса, 1996. С. 135; Биографии де Рибаса, Ришелье и Воронцова / Сост. В. А. Яковлев. Одесса, 1894. С. 31.

²² Завещание... С. 149.

²³ Это дом, который после смерти А. П. Лопухиной перешел ее супругу П. Г. Гагарину и уже в XIX в. был известен не как дом Бецкого или Рибаса, а назывался Гагаринским, а затем по имени новой хозяйки дочери Лопухиной и Гагарина Жеребцовой.

²⁴ Коршунов М. Ф. Джакомо Кваренги. Л., 1977. С. 66—67.

²⁵ Коршунова М. Ф. Юрий Фельтен. Л., 1988. С. 139.